
Е. Аврамова, Т. Малева

О причинах воспроизводства социально-экономического неравенства: что показывает ресурсный подход?

В статье предпринята попытка найти ответ на вопрос, почему масштабы социально-экономического неравенства в нашей стране воспроизводятся, несмотря на сокращение доли бедного населения. Причины авторы ищут в процессах социальной динамики, то есть в природе действующих механизмов вертикальной мобильности, используя ресурсный подход, позволяющий выяснить, какие ресурсы население считает наиболее востребованными в сложившейся институциональной среде и на которые предпочитает направлять средства и усилия. Информационной базой исследования послужили данные опроса российского населения по репрезентативной выборке, осуществленного Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в 2013 г.

Как показал анализ эмпирической информации, большинство опрошенных имеют достаточно смутное представление об общих параметрах экономического развития страны и своих перспективах адаптироваться к возможным переменам. Эта ситуация препятствует выстраиванию рациональных моделей социально-экономического поведения, направленного на рост личного и семейного благосостояния, и одновременно продуктивных с точки зрения развития национальной экономики и снижения социально-экономического неравенства. Независимо от социально-экономических параметров благосостояния, образования, места проживания, различные группы населения в большей степени ориентируются на реализацию социального капитала, интерпретируемого в терминах не доверия и сплоченности, а связей и лояльности.

Ключевые слова: социально-экономическое неравенство, ресурсный подход, социальная динамика, образование, социальный капитал, человеческий потенциал.

JEL: I32.

Аврамова Елена Михайловна (eavraamova@yandex.ru), д. э. н., проф., зав-отделом Института социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ (Москва); *Малева Татьяна Михайловна* (tatmaleva@gmail.com), к. э. н., ДВА, директор Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС.

Теоретические подходы к проблеме неравенства

В теоретическом плане наше исследование опирается на анализ неравенства с точки зрения оценки возможностей, предложенный А. Сеном (Sen, 1985). При этом благосостояние индивида (группы) определяется не только и не столько уровнем дохода и/или набором потребительских благ, сколько набором функциональных возможностей: совокупности всех благ, к которым индивид (группа) имеет доступ; совокупности всех возможных вариантов их использования. Из имеющегося набора функциональных возможностей субъект свободно выбирает то, что, как ему кажется, в наибольшей степени способствует росту его благосостояния: «Набор возможностей в пространстве функций отражает свободу индивида выбрать один из множества образов жизни» (Sen, 1985. Р. 40). В рамках данного подхода акцент сделан на том, что индивиды (группы) могут воспользоваться/не воспользоваться благами в зависимости от индивидуальных (состояния здоровья, возраста, пола, места проживания и пр.), социальных (системы норм и санкций, существующих в обществе) и инфраструктурных характеристик.

В развитие этого теоретического концепта сформировался ресурсный подход. В соответствии с ним возможности по Сену интерпретируются как ресурсы, которые можно использовать, чтобы выстроить эффективные для данной социально-экономической реальности типы поведения. Требуется специальный инструментарий для определения того, в какой степени население может реализовать индивидуальные (групповые) социальные ресурсы в сложившейся социально-экономической (институциональной) среде, чтобы повысить индивидуальные (групповые) характеристики своего благосостояния¹. Будем называть такие ресурсы «ресурсами развития».

Таким образом, реализация возможностей по Сену, или ресурсов (в рамках предлагаемого ресурсного подхода), зависит от состояния институциональной среды, которое характеризуется следующими аспектами:

— устойчивость институциональных рамок социально-экономического поведения (на одном полюсе — благоприятном для выстраивания позитивных и относительно долгосрочных социально-экономических практик — может быть воспроизводство стимулирующих их «правил игры», а на другом — ситуативное и неумеренное нормотворчество, подрывающее соответствующие стимулы);

— лояльность установленных институциональных правил к реализации накопленных населением ресурсов в форме разнообразных, в том числе новых, социально-экономических практик (принцип — разрешено все, что не запрещено);

— трансляция установленных норм и правил в общество для создания адекватных представлений о границе возможностей при реализации накопленных ресурсов.

¹ Ранее мы попытались развивать ресурсный подход в России (Аврамова, Логинов, 2002а; 2002б). Были количественно определены социальные ресурсы различных групп населения, а также дана интегральная оценка ресурсного потенциала отдельных социальных групп.

Мы исходим из того, что сокращение избыточного социально-экономического неравенства — результат не только (и не столько) мер социальной поддержки социально уязвимых слоев населения, но и интенсивной социальной динамики, благодаря которой социальные слои, находящиеся в нижней части социальной иерархии, могут подниматься вверх, опираясь на собственные ресурсы развития. Другими словами, сокращение неравенства и социально-экономическое развитие существенно зависят от поведения людей, их жизненных стратегий и усилий. Этот процесс получил название *вертикальной мобильности*, от ее интенсивности и направленности зависят возможности сокращения социально-экономического неравенства. Кроме того, интенсивная вертикальная мобильность обеспечивает социальную стабильность и общественную интеграцию.

Важно понять, на какие ресурсы опираются действующие в обществе механизмы вертикальной мобильности, иными словами, какие ресурсы население готово рассматривать в качестве ключевых (наиболее востребованных и дающих лучшую отдачу) в сформировавшихся социально-экономических условиях. Именно к ним различные группы населения ищут доступ и стремятся инвестировать в их приобретение.

В современном обществе, особенно на стадии перехода к постиндустриальному типу, традиционным ресурсом, обеспечивающим подъем по социальной лестнице и рост материального благосостояния, выступает получение высшего образования (Бобылев, 2004). Выделение этого ресурса развития в качестве основного важно еще и потому, что высокий уровень образования в ситуации так называемой «статусной совместности» определяет не только адекватные статусные позиции и уровень материального благосостояния, но и позитивные модели социально-экономического поведения (Аврамова, Жеребин, 2011). Например, известно, что люди с высшим образованием в среднем живут дольше, что свидетельствует об их приверженности более здоровому образу жизни, ответственном отношении к здоровью и, видимо, способности лучше ориентироваться в информационном пространстве по вопросам здравоохранения (Школьников и др., 2000).

Между тем механизмы вертикальной мобильности, успешно действовавшие с начала рыночных реформ, базировались больше на социальном капитале и энергии, чем на образовании и профессионализме (Аврамова, 2008). На протяжении всего периода постсоветского развития роль социального капитала была достаточно заметной. В последнее время ему придается все большее значение — и с положительной, и отрицательной конотацией. В мире преобладает представление о развитии национального социального капитала как непременном условии экономического роста, причем речь идет об укреплении институционального доверия и социальной сплоченности. И то и другое, безусловно, очень важно и непосредственно влияет на темпы и качество экономического роста. Во-первых, только при наличии доверия граждан к основным государственным институтам можно сформировать долгосрочные социально-экономические стратегии, имманентные целям устойчивого развития и добросовестной

конкуренции. Во-вторых, социальная сплоченность служит базовой характеристикой гражданского общества, важнейшей функцией которого выступает гражданский контроль над указанными институтами. В этом состоит позитивное значение социального капитала.

Вместе с тем в ряде исследований была показана противоречивая роль социального капитала. По нашему мнению, важен не только масштаб доверия — простирается оно вплоть до базовых государственных институтов или ограничивается друзьями и родственниками (Фукуяма, 2004), но и то, является ли социальный капитал «прямым ресурсом» (когда индивид действует как член сплоченного гражданского общества на основании институционального доверия) или «замещающим ресурсом» (когда индивид действует, используя наработанные социальные связи, замещающие или компенсирующие дефицит прямых ресурсов — образования, квалификации и пр.) (Коулман, 2001).

Отметим рассуждения Р. Инглхарта и К. Вельцеля о причинах преобладания той или иной природы социального капитала. С их точки зрения, на этапе перехода от индустриального общества к постиндустриальному изменяется характер связей, образующих социальный капитал. Они выделяют «скрепляющие» связи, свойственные индустриальному этапу социально-экономического развития с более низким уровнем жизни и соответствующим превалированием ценностей выживания, и связи, «наводящие мосты» между представителями разных групп, присущие более высокому уровню социально-экономического развития при господстве ценностей самовыражения: «Социальный капитал в постиндустриальных странах не слабеет, а просто принимает иную форму» (Инглхарт, Вельцель, 2011. С. 211). В период модернизации слабеет «скрепляющая» функция социального капитала, соответствующая «его традиционному, спаянному, замкнутому, конформистскому типу», и повышается роль функции «наведения мостов». На наш взгляд, именно эту трансформацию переживает современное российское общество.

Новая конфигурация неравенства

Рассмотрим новый феномен в социальной сфере: снижение уровня бедности до социально приемлемой отметки при сохранении высокой доходной и социальной дифференциации. Об этом свидетельствуют следующие данные: уровень бедности снизился с 20,8% в докризисном 1997 г. (или с 20,3% в 2003 г., когда были преодолены последствия кризиса 1998 г.) до 11% в 2012 г. Отметим, что в 2005 г. был рассмотрен состав потребительской корзины на федеральном уровне, в 2006—2008 гг. — на уровне регионов, но это не повлияло на тренд снижения уровня бедности: за 2000-е годы она сократилась практически вдвое. С 1 января 2013 г. действует новая потребительская корзина, которая отличается от своих «предшественниц» фиксированной долей продуктов питания (50%), непродовольственных товаров (25%) и услуг (25%). При этом сохраняется высокая региональная диффе-

ренизация по материальной обеспеченности. Часть регионов и сегодня остается экстремально бедными, например Республика Калмыкия (36%), Республика Тыва (31%), при снижении доли бедного населения в регионах-лидерах до 8–10%.

Дифференциация доходов населения — Росстат измеряет ее с помощью коэффициента Джини (индекс концентрации доходов), коэффициента фондов (соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения), а также доли доходов верхнего и нижнего децилей, оцененной на основе Выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств (ОБДХ) и макроэкономического показателя денежных доходов населения — остается на высоком уровне: индекс Джини сегодня равен 0,417, хотя в начале 2000-х годов был немного ниже отметки 0,4. Для сравнения: в среднем по европейским странам в 2011 г. он составил 0,305–0,308 с максимальным значением 0,354 в Латвии². В то же время показатель неравенства доходов в США — 0,477 — традиционно гораздо выше, чем в Европе (скорее всего, по совокупным доходам до уплаты налогов, по чистым доходам — 0,380), в Китае — 0,477, в Бразилии — 0,550. Доходы самого богатого десятого дециля населения в РФ в 16,4 раза выше, чем доходы самого бедного, первого дециля.

На уровне отдельных регионов дифференциация доходов по индексу Джини наблюдается с 2002 г. Лидером по неравенству остается Москва, но неравенство в распределении доходов населения столицы за последние десять лет существенно сократилось — с 0,609 до 0,503. Так как доходы оцениваются по данным ОБДХ с использованием макропоказателей доходов населения, в которых на Москву приходится наибольшая доля «других доходов», включающих скрытые доходы от продажи валюты, денежные переводы и пр. (их доля в Москве сократилась с 40% в 2000 г. до 26% в 2011 г.), есть основания полагать, что наблюдаемое снижение дифференциации отчасти объяснялось уточнением методик корректировки доходов. Неравенство остается высоким в Тюменской области, во всех остальных регионах наблюдался рост неравенства в 2002–2007 гг., а затем — либо продолжение тенденции, либо небольшое снижение неравенства к 2011 г.

Коэффициент фондов измеряет неравенство на краях распределения. В начале 2000-х годов это отношение составляло 14 раз, а в последние пять лет — 16,5 раза. Активный рост неравенства наблюдался в 2000–2007 гг. во всех регионах России. Вновь весьма существенны межрегиональные различия коэффициента фондов: как и по индексу Джини, здесь лидирует Москва.

Сохранение высокого уровня неравенства населения подтверждается анализом не только доходных индикаторов, но и немонетарных характеристик уровня жизни российского населения (Овчарова, 2014). Таким образом, мы действительно имеем дело с новой конфигурацией социально-экономического неравенства, когда при сокращении доли бедных масштаб неравенства не уменьшается.

² <http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=IDD>.

Исходя из принятого нами ресурсного подхода, проанализируем полученный в ходе опроса населения³ эмпирический материал по следующим аспектам:

- состояния институциональной среды с точки зрения ее устойчивости и лояльности к формированию позитивных (оцениваемых с позиций возможностей реализации накопленных ресурсов) социально-экономических практик;
- представлений о границах возможностей реализации накопленных ресурсов развития;
- возможностей накопления ресурсов развития в существующих институциональных рамках;
- возможностей реализации ресурсов развития в существующих институциональных рамках.

Альтернативные ресурсы развития

Важно установить, какое значение люди придают двум основным социальным ресурсам — высшему образованию и социальным связям — и какой ресурс считают наиболее эффективным «здесь и сейчас». Это позволит определить, с каким типом общества мы имеем дело: базирующимся на транспарентных механизмах вертикальной мобильности (массовая ориентация на получение качественного образования) с хорошими перспективами развития человеческого потенциала и связанного с ним роста конкурентоспособности национальной экономики или основанным на неформальных социальных связях и взаимодействиях (тогда не следует рассчитывать на прозрачные конкурентные механизмы, что будет тормозить экономический рост).

В случае открытой конкуренции процессы социальной динамики протекают значительно интенсивнее. Следовательно, с одной стороны, надежды на сокращение социально-экономического неравенства более оправданны, а с другой — требуется меньший объем социальной поддержки, которая не распространяется на слои и группы, способные самостоятельно продвигаться по статусной лестнице.

Ориентация на те или иные ресурсы вертикальной мобильности тестировалась с помощью измерения степени согласия респондентов с рядом утверждений. Их можно рассматривать в качестве индикаторов выбора между первым и вторым типами развития.

Устойчивый спрос на высшее образование, подтвержденный расширением предложения на рынке образовательных услуг, обусловил увеличение высокообразованных групп населения. При этом дальнейшее сохранение дисфункций в системе «рынок образования — рынок труда» способно привести к воспроизводству и закреплению деструктивного неравенства, при котором высокий уровень человеческого потенциала страны не удастся использовать в качестве ресурса

³ Исследование Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС — в 2013 г. по общероссийской выборке были опрошены 4000 респондентов, проживающих в городах, поселках городского типа и сельских поселениях РФ.

модернизации и распространения социальных практик, имманентных развитым социально-экономическим системам.

Данные нашего обследования показывают, что существенные ограничения в поиске работы сохраняются для группы, в которую входят не получившие профессионального образования. В целом незначительный уровень дифференциации по факту наличия работы в зависимости от уровня полученного профессионального образования повышается при учете особенностей занятости. Так, обладатели вузовских дипломов вдвое реже остальных работают непостоянно или на условиях неполной занятости.

Бюджетный сектор экономики, традиционно обеспечивающий стабильность занятости и ставший в последние годы более привлекательным из-за повышения заработной платы, предъявляет серьезные требования к образовательному уровню работников: среди обладающих вузовским дипломом там трудятся более $\frac{1}{3}$ опрошенных. Но отсутствие высшего образования резко снижает шансы трудоустройства в бюджетном секторе. При этом качество профессионального образования (по субъективной оценке респондентов) не играет роли при трудоустройстве. Имеющие высшее образование чаще работают по специальности (45%). Среди получивших среднее профессиональное образование доля таких лиц 36%, начальное профессиональное — 40%.

Каковы возможности конвертации образовательного ресурса в индивидуальный доход? Чаще всего в двух самых низкодоходных квинтильных группах оказываются респонденты, у которых нет профессионального образования или имеется начальное профессиональное (около 60%). В группе со средним профессиональным образованием к первым двум квинтилям относится 44% респондентов, а при наличии высшего (незаконченного высшего) резко снижается доля низкодоходных — до 25–29% (табл. 1).

Выяснилось, что только высшее и незаконченное высшее образование можно считать достаточно надежным ресурсом вертикальной мобильности, поскольку с утверждением, что «наличие хорошего образования позволяет рассчитывать на хорошую работу», согласилась примерно половина (48%) соответствующей группы. В то же время 25% респондентов, имеющих высшее образование, не считают его важным и эффективным ресурсом. Может быть, они имеют в виду, что важны

Т а б л и ц а 1

Размер дохода работников в зависимости от уровня образования (в %)

Квинтильная группа индивидуального дохода	Уровень образования				
	нет профессионального	начальное профессиональное	среднее профессиональное	незаконченное высшее	высшее
1 (низкий)	33,4	30,3	23,5	15,3	9,0
2	24,1	26,6	20,2	13,7	16,2
3	16,3	11,9	18,3	25,3	18,0
4	16,3	24,8	22,6	27,3	28,3
5 (высокий)	9,9	6,4	15,4	18,4	28,5
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

не только уровень, но и качество образования? В ходе проверки этой гипотезы оказалось, что 74% респондентов, не имеющих достаточно хорошего образования, одновременно полагают, что получили образование высокого качества. Уже один этот факт свидетельствует о «размытости» критерия «качество образования» как у самого работника, так и у современного массового работодателя.

В сфере финансов образование — действительно работающий ресурс. Здесь концентрируются респонденты, считающие, что их образование позволяет рассчитывать на хорошую работу (почти 70%). На другом полюсе находится сельское хозяйство, где число согласных с этим утверждением минимально (45%).

Обратимся к роли социальных связей. Рассмотрим степень согласия респондентов с утверждением, что «на высокооплачиваемую работу берут только по знакомству». Линейное распределение ответов говорит о том, что большинство отвечавших согласно с этим утверждением. Какие социально-экономические характеристики влияют на сложившееся массовое представление об этом доминирующем механизме социальной динамики? Хотя признание очень высокой значимости социальных связей отмечается во всех образовательных группах, по мере роста уровня образования наблюдается некоторое снижение роли этого признака. Тем не менее среди респондентов с высшим образованием более половины ориентируются на социальный капитал. При этом нет различий между респондентами, получившими образование разного качества: среди получивших образование высокого качества 80% согласны с тем, что высокооплачиваемую работу можно найти только по знакомству, а среди тех, кто считает свое образование не очень качественным, таких 82%. Также нет особых возрастных различий в ориентации на социальный ресурс: данной стратегии придерживаются представители всех возрастных групп (табл. 2). Тем самым надежда, что новое поколение будет работать в новых институциональных условиях, когда образование и компетенции вытеснят неформальные связи, пока не оправдывается.

Т а б л и ц а 2

**Мнение респондентов о значимости социальных связей
в зависимости от возраста (в % по столбцу)**

«Согласны ли Вы с тем, что на хорошую работу берут только по знакомству?»	Возраст				
	18–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше
Да	63,6	63,4	64,3	62,9	57,7
Нет	32,6	32,5	29,4	28,5	24,1
Затруднились ответить	3,8	4,1	6,3	8,6	18,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Рассмотрим, как социально-профессиональный статус влияет на подобные умонастроения (табл. 3). С повышением социально-профессионального статуса ориентация на социальные связи как ресурс вертикальной мобильности постепенно сокращается, но не исчезает. Если среди ориентирующихся на этот ресурс рабочие составляют почти 70%, то среди руководителей — 54%.

**Мнение респондентов о значимости социальных связей
в зависимости от социально-профессионального статуса (в % по столбцу)**

«Согласны ли Вы с тем, что на хорошую работу берут только по знакомству?»	Социально-профессиональный статус			
	рабочий	служащий	специалист	руководитель
Да	68,8	63,8	58,5	54,2
Нет	25,0	31,0	34,9	39,4
Затруднились ответить	6,2	5,2	6,6	6,4
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Механизм вертикальной мобильности, опирающийся на социальный капитал, скорее городской феномен. Так, из городских жителей на него ориентируются 64% соответствующей группы, а среди сельского населения — 57%. Впрочем, это может свидетельствовать об ограниченном предложении труда в сельской местности.

Другой показательный индикатор различий в ориентации на формальные (образование) или неформальные (социальные связи) ресурсы вертикальной мобильности — отношение к утверждению, что «много получают те, кто много работает». Согласие с этим утверждением одновременно с ориентацией на социальный капитал может свидетельствовать о том, что последний рассматривается как необходимое, но недостаточное условие вертикальной мобильности.

Данные опроса показывают, что у такого утверждения больше противников (53%), чем сторонников (41%) при 6% затруднившихся ответить. Скорее всего, несмотря на относительно небольшую долю уклонившихся от ответа, на самом деле в общественном сознании этот вопрос не так важен, в отличие от источников материального благополучия элиты. Как следует из многочисленных опросов, в обществе распространено убеждение, что «все состояния нажиты нечестным путем». При переходе к внеэлитным группам такое однозначное мнение не сложилось, не возникла и четкая связь содержания труда, его эффективности, производительности и т. д. с размером оплаты. Видимо, это следствие дисфункций и перекосов на сформировавшемся в России рынке труда с его чрезмерной отраслевой и сегментарной дифференциацией.

Протестируем связь образования с «успехом» в массовом сознании. Понятие успеха в опросном листе не раскрывалось, поэтому имплицитно в него вложены и карьерные продвижения, и продвижения по шкале материального достатка. Всего 17% респондентов согласны с тем, что «обеспеченные люди добиваются успеха за счет хорошего образования», а 82% опрошенных с этим не согласны. Это еще одно свидетельство того, что в нынешних социально-экономических условиях образование — необходимое, но недостаточное условие успеха.

Если не образование, то, вероятно, личные качества человека — залог успеха? В целом по выборке с этим утверждением согласен 31% респондентов. Интересно, что опора на личные качества в большей степени проявилась у имеющих более высокий уровень образования. Тем самым можно предположить, что образование все же играет «скрытую»

дополнительную роль и есть связь между уровнем образования и усилиями, затраченными на его достижение, то есть личными качествами.

С утверждением «обеспеченные люди добиваются успеха за счет связей и знакомств» согласно более половины всех опрошенных. Подобное представление о природе успеха в сложившейся институциональной среде наиболее распространено в российском обществе. Таким образом, подтверждается гипотеза, что в основе вертикальной мобильности лежит не меритократический принцип, а социальный капитал, характеризующий масштабы неотрайбалистского социума.

Анализ парных распределений позволил сконструировать итоговую типологию мнений респондентов относительно доминирующих в обществе механизмов вертикальной мобильности. Мы выделили четыре типа поведения:

1) «ориентация на личные усилия» (получение высшего образования, работоспособность, другие личные качества) — распространяется на 31% респондентов;

2) «ориентация на работоспособность, другие личные качества и социальные связи» — 15% респондентов;

3) «ориентация исключительно на социальные связи» — 47% респондентов;

4) «ориентация на другие признаки» — 8% респондентов.

Типы поведения выделяются по мере снижения роли принципа меритократии в ориентации респондентов. Первый тип соответствует максимальной ориентации на профессионализм, открытую конкурентность, личные усилия в достижении поставленных целей — базовые основы меритократии. При втором типе к вышеперечисленным характеристикам добавляется ориентация на социальные связи, что, безусловно, «размывает» принцип меритократии, но не отвергает его полностью. Третий тип — полный отход от меритократии и переход в неотрайбализм.

Распределение по типам вертикальной мобильности, преобладание в них самого массового типа — респондентов, ориентирующихся в своих трудовых и социальных перемещениях исключительно на социальные связи, — свидетельствует о наличии серьезных дисфункций механизма вертикальной мобильности. Подобные дисфункции, во многом ставшие следствием качества сложившейся институциональной среды, в свою очередь, существенно влияют на конкурентоспособность национальной экономики, поскольку воспроизводят непродуктивные модели социально-экономического поведения.

В современном российском обществе преобладает тип вертикальной мобильности, основанный на неформальных практиках, социальных связях и знакомствах. Иными словами, по Коулману, социальные связи выступают заменой и компенсацией заблокированных или неразвитых легальных конкурентных путей восхождения — социальных лифтов. Отметим, что в сложившихся институциональных условиях данный тип вертикальной мобильности можно считать универсальной моделью социальной динамики, поскольку он практически не зависит от возрастных, образовательных, социально-профессиональных и даже территориальных характеристик.

Роль социальной динамики в сокращении социально-экономического неравенства

На основе эмпирической информации была построена типология развития материальных и социальных ресурсов населения с использованием шкалы по пяти квинтилям: низкая — высокая ресурсная обеспеченность. Цель классификации: с учетом характеристик здоровья, образования, занятости и материального положения респондентов выделить наиболее однородные группы с точки зрения наличия указанных частных характеристик.

Вклад каждой составляющей определяется методом главных компонент. В итоговый стратификатор вошли с минимальным весом образование (0,57), а с максимальным — уровень материально-имущественной обеспеченности респондента (0,76). Применение процедуры взвешивания позволяет получить монотонный, почти непрерывный показатель ресурсной обеспеченности, согласно которому выделяется пять групп респондентов.

При построении каждого стратифицирующего признака мы учитывали следующее:

- образование определяется исходя из классификации ступеней/уровня образования;
- здоровье основано на субъективной оценке и наличии/отсутствии инвалидности;
- занятость отражает ее постоянный или временный характер, частичную занятость или на полную ставку с учетом удовлетворенности респондента своей работой;
- классификация материального положения построена на основе уровня доходов, наличия сбережений, оснащенности быта и жилищных условий;
- распределение по доходу исходит из величины индивидуальных доходов респондента с учетом потребительского статуса и душевого дохода домохозяйства;
- сбережения отражают факт их наличия, размер и возможность делать текущие сбережения;
- оснащенность быта измеряется наличием предметов из индикаторного списка (компьютер, доступ к интернету, включая мобильный, посудомоечная машина и автомобиль);
- жилищные условия связаны с отдельным жильем или проживанием в коммунальной квартире, общежитии; просторностью жилья; необходимостью капитального ремонта; субъективной оценкой респондентом своих жилищных условий.

Начнем анализ с демографических характеристик типа ресурсной обеспеченности. Из данных таблицы 4 видно, как по мере перехода к старшим возрастам растет наполненность типа с самой низкой ресурсной обеспеченностью. Распределение по этим типам возрастной группы 30—39 лет более однородно, но доля соответствующего возрастного контингента в типах с низкой и ниже среднего ресурсной обеспеченностью меньше, чем в типах, где ресурсная обеспеченность выше. В следующем возрастном интервале (40—49 лет) больше доля

Т а б л и ц а 4

Возрастные характеристики типа ресурсной обеспеченности при различном уровне развития социальных ресурсов (в % по строке)

Возраст	Ресурсная обеспеченность				
	низкая	ниже среднего	средняя	выше среднего	высокая
18–29 лет	4,4	15,5	24,0	27,5	28,6
30–39 лет	7,0	14,7	22,5	26,0	29,8
40–49 лет	10,9	24,8	20,4	24,9	19,0
50–59 лет	25,2	24,4	18,2	16,3	15,9
Старше 60 лет	52,2	22,0	11,8	6,2	7,8

респондентов, чей ресурсный потенциал оценивается ниже среднего. В возрасте 50–59 лет еще больше обладающих низко развитыми социальными ресурсами. Наконец, в старшей возрастной группе более половины составляют носители низкого ресурсного потенциала.

Заметим, что доля лиц с высокоразвитым ресурсным потенциалом приближается к 30% лишь в молодых когортах. Уже в возрасте 40–49 лет она снижается до 19%, а в следующем возрастном интервале — еще на 3%. Таким образом, начиная с 50 лет, происходит не накопление ресурсов, а их сокращение. Эту тенденцию можно рационально объяснить.

Во-первых, более молодые возрастные генерации имеют более высокий уровень образования. Но в мире это компенсируется включением людей старших возрастов в процесс образования в течение всей жизни (непрерывное образование), который в нашей стране пока не получил широкого распространения. Во-вторых, потенциал здоровья с возрастом сокращается, о чем свидетельствуют наши эмпирические данные. Материально-имущественный ресурс, который в принципе должен возрастать на протяжении всей жизни, не имеет такого веса, который мог бы компенсировать дефицит образования и здоровья.

Распределение респондентов с различным социально-профессиональным статусом по объему социальных ресурсов представлено в таблице 5. Здесь зависимость очевидна: чем выше профессиональный статус респондентов, тем вероятнее они будут представлять тип, характеризующийся высоким уровнем ресурсного потенциала. Причем концентрация более высокостатусных респондентов происходит достаточно монотонно: от рабочего до руководителя примерно с одинаковым

Т а б л и ц а 5

Социально-профессиональный статус представителей типов ресурсной обеспеченности с различным уровнем развития социальных ресурсов (в % по строке)

Социально-профессиональный статус	Ресурсная обеспеченность				
	низкая	ниже среднего	средняя	выше среднего	высокая
Рабочие	11,8	27,6	27,4	20,6	12,6
Служащие	5,5	19,9	21,5	28,8	24,3
Специалисты	2,0	10,0	19,8	29,3	38,9
Руководители	2,3	5,5	14,5	25,2	52,5

ростом представительства, заметный скачок при переходе к руководителям — с достижением этого статуса существует 50-процентная вероятность войти в группу с высоким ресурсным потенциалом.

Поскольку при получении дополнительного профессионального образования (ДПО) возможен карьерный рост либо смена рабочего места, что может привести к росту дохода от занятости, рассмотрим обращение к услугам ДПО представителей групп с разным уровнем ресурсного потенциала. Зависимость здесь отчетливая: если в группе с высоким уровнем ресурсного потенциала 64% респондентов получили дополнительное профессиональное образование, то в группе с низким — только 13% (выше среднего — 47%, средний уровень — 37, ниже среднего — 34%).

Другая стратегия, позволяющая повысить материальные и статусные позиции, предполагает переезд в другой населенный пункт (табл. 6). Вопрос формулировался так: «Уехали ли бы Вы в другой город, если бы нашли хорошую работу?»

Т а б л и ц а 6

Намерение переехать в другой город представителей групп с различным уровнем развития социальных ресурсов (в % по строке)

Намерение переехать в другой город	Ресурсная обеспеченность				
	низкая	ниже среднего	средняя	выше среднего	высокая
Да, скорее да	9,6	22,7	25,8	26,5	15,4
Нет, скорее нет	13,7	25,1	22,5	23,3	15,4

Модальная группа согласных на переезд составляет около $\frac{1}{4}$ в каждой группе, за исключением групп с самым низким и самым высоким объемом ресурсов. Возможно, в случае респондентов с низким ресурсным потенциалом причина отказа состоит в отсутствии ориентаций на собственные усилия и в известном патернализме, а с высоким — в уверенности в эффективной занятости без переезда куда-либо.

Похожая ситуация наблюдается при анализе возможности выезда за рубеж (табл. 7). Из тех, кто в принципе допускает выезд, наибольшую долю составляют те, кто располагает ресурсным потенциалом выше среднего или высоким.

Социально-экономические причины отказа что-либо резко поменять в своей жизни перечислены в таблице 8. Интересно, что недостаточное образование не рассматривается большинством респондентов в качестве значимой причины отказа от решительных действий.

Т а б л и ц а 7

Намерение уехать за границу представителей групп с различным уровнем развития социальных ресурсов (в % по строке)

Намерение уехать за границу	Ресурсная обеспеченность				
	низкая	ниже среднего	средняя	выше среднего	высокая
Да, скорее да	5,3	20,0	28,8	26,1	19,8
Нет, скорее нет	14,8	25,3	22,5	24,0	13,4

Т а б л и ц а 8

Отказ от переезда в другой город представителей групп с различным уровнем развития социальных ресурсов (в % по столбцу)

Причина	Ресурсная обеспеченность				
	низкая	ниже среднего	средняя	выше среднего	высокая
Привыкли так жить	29,9	20,9	21,6	24,8	25,4
Плохое здоровье	20,3	10,7	4,9	3,2	2,1
Недостаточное образование	9,6	6,4	5,8	5,1	2,1
Семейные обстоятельства	37,8	44,8	43,3	44,0	38,8

Причины главным образом заключаются в инерции («привыкли так жить») и в семейных обстоятельствах, о которых нельзя достоверно судить на основании имеющихся данных.

Итак, представителям группы с самыми низкими показателями ресурсного потенциала в наименьшей степени свойственна не только реальная, но и потенциальная трудовая и социальная мобильность. Но уже в следующей группе, где ресурсный потенциал оценен ниже среднего, значительна доля респондентов с ориентацией на выстраивание активных социально-экономических стратегий поведения.

Выше мы исследовали возможности социальной динамики, исходя из наличия или отсутствия собственных ресурсов развития. Однако на модели социально-экономического поведения могут влиять внешние условия и институциональные рамки субъективного восприятия их людьми. Чтобы выяснить представления о внешних факторах, сравним группы, выделенные на основании концентрации ресурсов, с группами, выделенными в зависимости от оценки их текущего экономического положения и перспектив его изменения в будущем (табл. 9).

Налицо достаточно высокая корреляция между двумя анализируемыми типологиями, которая выражается в общей закономерности: чем меньше объем ресурсов, тем менее оптимистична оценка будущего. Но при этом необходимо обратить внимание на следующее:

— среди респондентов, кто не только рассматривает свое нынешнее экономическое положение негативно, но и не ждет улучшений в будущем, довольно высока доля обладающих объемом ресурсов выше среднего и даже высоким;

Т а б л и ц а 9

Распределение по уровню развития социальных ресурсов и оценке перспектив экономического развития (в % по столбцу)

Ресурсная обеспеченность	Группы, выделенные на основании оценки перспектив			
	стабильно успешные	успешные с негативными перспективами	неуспешные с позитивными перспективами	неуспешные без позитивных перспектив
Низкая	9,2	16,1	20,0	36,3
Ниже среднего	14,2	18,6	22,2	28,6
Средняя	18,3	23,1	28,2	17,9
Выше среднего	25,0	25,1	21,2	12,0
Высокая	33,3	17,1	8,4	5,2

— среди стабильно успешных (и в настоящее время, и в будущем ожидающих достижения высоких показателей собственного экономического положения) имеется небольшая, но заметная группа тех, чей объем ресурсов оценен как низкий;

— высока доля обладателей относительно высокоразвитых ресурсов, которые успешны сегодня, но не надеются сохранить свое положение в будущем;

— малочисленна группа считающих возможным освоить новые ресурсы и достичь нового уровня развития.

* * *

Из проведенных измерений следует, что сегодня российские граждане в целом имеют достаточно смутное представление об общих параметрах экономического развития страны и своих перспективах адаптироваться к возможным переменам. Это не позволяет выстраивать рациональные стратегии социально-экономического поведения, направленные на рост личного и семейного благосостояния и продуктивные с точки зрения развития национальной экономики и сокращения социально-экономического неравенства. Подобная ситуация противоречит дискурсу стабильности, которую считают главным достижением текущей социально-экономической политики. В результате наблюдаются:

— отказ от моделей поведения, ориентированных на реализацию собственных ресурсов, со стороны групп, располагающих средним объемом ресурсов и ниже;

— «политическая ловушка» — необходимость продолжать патерналистский курс социальной политики в отношении групп населения, располагающих невысоким объемом ресурсов;

— ориентация на эскапистские модели поведения респондентов с высоким объемом ресурсов.

Разрушение рудиментных практик и деструктивных «ловушек» должно стать основной целью новой социальной политики. Традиционная политика снижения бедности, преимущественно в монетарных формах, как показывает динамика последних лет, практически исчерпала свой потенциал. На смену ей должна прийти иная парадигма — преодоление ограничений в доступе к немонетарным ресурсам развития. «Первым среди равных» по-прежнему выступает образование в различных формах и на разных этапах жизненного цикла человека и социальных групп.

Однако и этого недостаточно для устойчивой работы социальных лифтов. Расширение доступа к ресурсам развития для «слабых» в ресурсном измерении социальных групп еще не гарантирует поступательную социальную траекторию общества в целом, если социальные группы из верхнего эшелона не видят перспектив для себя. Даже если все социальные группы в равной степени осознают нужность и важность качественного образования и начнут выстраивать свое поведение на рынке труда и в других сферах экономической деятельности не на связях, а на компетенциях, то у такого сценария также возникнет объективный

барьер. Потребуется новые виды и формы дополнительного (второго, третьего) образования, которые позволят уже успешным повышать свои статусные и экономические позиции. Как минимум это вытекает из роста продолжительности жизни, за чем должны последовать увеличение продолжительности трудовой жизни и активное долголетие. Такая ситуация предполагает необходимость и возможность получения образования и новых компетенций в течение всей взрослой жизни.

В итоге возникает прообраз движущегося фронта, задающего общий вектор развития. К нему будет стремиться вся социальная пирамида, внутри которой каждая социальная группа, пусть с разной скоростью, станет осваивать новые виды ресурсов. Необходимость расширить возможности и доступ к этим ресурсам различных групп населения — императивное требование к новой социальной политике.

Список литературы

- Аврамова Е. М., Логинов Д. М. (2002а). Социально-экономическая адаптация: ресурсы и возможности // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 24–34. [Avraamova E. M., Loginov D. V. (2002). Socio-Economic Adaptation: Resources and Opportunities // *Obshchestvennyye Nauki i Sovremennost*. No 5. P. 24–34.]
- Аврамова Е. М., Логинов Д. М. (2002b). Адаптационные ресурсы населения: попытка количественной оценки // *Мониторинг общественного мнения*. № 3. М.: ВЦИОМ. С. 13–17. [Avraamova E. M., Loginov D. M. (2002). Adaptation Resources of the Population: An Attempt at Quantitative Assessment // *Monitoring Public Opinion*. No 3. Moscow: VCIOM: Russia Public Opinion Research Center. P. 13–17.]
- Аврамова Е. М. (ред.) (2008). Вертикальная мобильность российского населения: 2000-е годы. М.: М-Студио. [Avraamova E. M. (ed.) (2008). Vertical Mobility of Russian Population: 2000-s. Moscow: M-Studio.]
- Аврамова Е. М., Жеребин В. М. (2011). Экономическая политика и социальные приоритеты. М.: ИСЭПН РАН. [Avraamova E. M., Zherebin V. M. (2011). Economic Policy and Social Priorities. Moscow: ISESP RAS Publ.]
- Бобылев С. Н. (ред.) (2004). К обществу, основанному на знаниях / Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2004 год. М.: Вест Мир. [Bobylev S. N. (ed.) (2004). Towards a Knowledge-Based Society. A Report on Human Capital Development in Russian Federation in 2004. Moscow: Ves Mir.]
- Инглхарт Р., Вельцель К. (2011). Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство. [Inglehart R., Welzel Chr. (2011). Modernization, Cultural Change and Democracy. Moscow: Novoye Izdatelstvo.]
- Коулман Дж. (2001). Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 121–139. [Coleman J. (2001). Social Capital and Human Capital // *Obshchestvennyye Nauki i Sovremennost*. No 3. P. 121–139.]
- Овчарова Л. Н. (ред.) (2014). Динамика монетарных и немонетарных характеристик уровня жизни российских домохозяйств за годы постсоветского развития. Аналитический доклад. М.: Фонд «Либеральная миссия». [Ovcharova L. N. (ed.) (2014). The Dynamics of Monetary and Non-Monetary Characteristics of the Level of Life of Russian Households During Post-Soviet Development. The Analytical Report. Moscow: Liberal Mission Foundation Publ.]
- Фукуяма Ф. (2004). Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Пер. с англ. М.: АСТ; Ермак. [Fukuyama F. (2004). The Social Virtues and the Creation of Prosperity. Moscow: AST; Ermak.]

- Школьников В., Андреев Е., Малева Т.* (ред.) (2000). Неравенство и смертность в России. М.: Сигналь. [Shkolnikov V., Andreyev E., Maleva T. (eds.) (2000). Inequality and Death Rate in Russia. Moscow: Signal.]
- Sen A. K.* (1985). *Commodities and Capabilities*. Amsterdam: Elsevier.
-

On the Causes of Socio-Economic Inequality Reproduction: What Does Resources Approach Show?

Elena Avraamova, Tatiana Maleva*

Authors affiliation: Institute of Social Analysis and Forecasting, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). *Corresponding author, email: eavraamova@yandex.ru.

This paper presents an attempt at answering the question of why the scope of socio-economic inequality stays the same in Russia despite the poverty rate reduction. The authors are looking for the causes of this phenomenon in the domain of social dynamics, i.e., in the nature of current vertical mobility mechanisms. To study these mechanisms the authors use resources approach. The information database of the research is the representative sample survey carried by the Institute for Social Analysis and Forecasting at RANEPА in 2013. The majority of the respondents have, in fact, vague idea of general parameters of the economic development of the country and of their personal prospects to adapt to possible changes. This state of things hinders the development of rational models of socio-economic behavior directed towards the growth of personal and family welfare and productive in terms of national economy development – these, eventually, would advance the reduction of socio-economic inequality. Various groups of population are predominantly oriented towards converting social capital viewed not in terms of trust and solidarity, but in terms of ties or connections and of personal loyalty.

Keywords: socio-economic inequality, resources approach, social dynamics, education, social capital, human capital.

JEL: I32.

Технический редактор, компьютерная верстка – **Т. Скрыпник**
Корректор – **Л. Пущаева**

Учредители: НП «Редакция журнала „Вопросы экономики“»; Институт экономики РАН.
Издатель: НП «Редакция журнала „Вопросы экономики“». Журнал зарегистрирован в Госкомитете РФ по печати, рег. № 018423 от 15.01.1999. **Адрес редакции:** 119606, Москва, просп. Вернадского, д. 84. **Тел./факс:** (499) 956-01-43. **E-mail:** mail@vopreco.ru

Индекс журнала: в каталоге агентства «Роспечать» — 70157; в каталоге «Почта России» — 10788; в Объединенном каталоге — 40747. Цена свободная.

Подписано в печать 30.06.2014. Формат 70 × 108^{1/16}. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,00. Уч.-изд. л. 12,4. Тираж 2 150 экз.

Отпечатано в ОАО «Красная Звезда». Адрес: 123007, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38. Тел.: (495) 941-34-72, (495) 941-28-62. www.redstarph.ru. Заказ № 3099.

Перепечатка материалов из журнала «Вопросы экономики» только по согласованию с редакцией. Редакция не имеет возможности вступать с читателями в переписку, рецензировать и возвращать не заказанные ею материалы. © НП «Редакция журнала „Вопросы экономики“», 2014.
